

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 13

В.И. Красиков

ЕВАНГЕЛИЕ МЕСТИ: ДИСКУССИЯ ПО КНИГЕ ИВАНА ИЛЬИНА В РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Литераторы зачастую изящнее, легче и образнее передают суть многосложных и неоднозначных явлений¹. Выражение, вынесенное в подзаголовок, принадлежит М. Горькому, которым он нарек книгу, вызвавшую бурю откликов, ставшей фокусом как идеологических, так и ожесточенных этико-метафизических и этико-религиозных споров в среде русской эмиграции. Она имела более отдаленные последствия, не привела в то время к появлению новых групп или направлений в эмигрантской философии. Хотя вокруг И.А. Ильина и образовался небольшой круг его учеников, а его взгляды можно квалифицировать как наиболее философичную манифестацию крайне правых сил русской эмиграции, ни сама группа, ни сам он первое время не играли какой-то серьезной роли ни в политике, ни в динамике духовных трендов русской эмиграции. До поры, до времени, – до 60 гг. XX в., когда в СССР стала складываться оппозиция не только либеральная, но и правая (круг "Нашего современника", А.И. Солженицын) в святыни которой и вошел И.А. Ильин с его знаменитой книгой "О сопротивлении злу силою" – как бы к последней не относиться.

Точность обозначения "Евангелия мести" проявляется в акцентуации главных качеств книги:

- формата "откровения" – пафосного прокламирования ново возрождённой этико-религиозной магистрали воинствующего "абсолютного добра";
- лейтмотива ресентимента – навязчивости вменения мирового злодейства толстовству и большевизму, прямо-таки патологическая ненависть к ним.

Предмет спора явил себя миру в 1925 году, следующий 1926 стал годом наиболее интенсивного обсуждения. Ильин собственно и сделал себе имя благодаря этой книге – ни раннее историко-философское исследование философии Гегеля, ни последующие работы назидательно патриотиче-

ского и религиозного характера не привлекали более столь пристального внимания.

Работа, надо признать, заслуживает этого. Несмотря на уже отмеченные родимые пятна "злобы дня" того времени и отпечаток своеобразной личности автора, книга захватывает – фундаментальностью вновь поставленных вечных вопросов, своей провокативностью, искренней резкостью, безапелляционностью и максимализмом. Равнодушных она явно не оставляет – ни тогда, ни сейчас. Произведение Ильина, помимо формальной структуры, подчиненной задачам критики толстовства и выстраиванию системы доказательств оправданности (правоты) и критерiev использования силы в ситуациях противоборства добра и зла, при соответствующих попытках метафизического определении последних, имеет еще и сложную композицию: как источников, так и образующих его компонентов.

В "Сопротивлении ..." слышна некая замысловатая полифония:

→ старых голосов, – провозглашавших абсолютные сущности "добра-зла" и перманентную борьбу между ними в качестве высшего смысла мироздания, – дохристианских дуалистических систем (зороастризма, манихейства);

→ некоторых музыкальных фраз христианства (любовь, духовность, изгнание торговцев из храма);

→ новых мелодий (Ницше – мотив возрождения "силы": очищение от "сентimentального морализма" христианского учения о любви и человеколюбии; Фрейд – мотив стеснения, ограничения своеvolutionия в создании культуры);

→ наитий самого автора как правоведа в отношении проблемы выработки общезначимого и общеприемлемого (вдохновенная песнь о справедливо-карательных, контрольно-воспитующих силах государства и церкви).

Попытаемся выявить этико-метафизический стержень концепции Ильина, составивший основу этого необычного синтеза старых и новых идей, привлекший к нему столь интенсивный интеллектуальный интерес.

1. Манифестиование определений (критериев) добра и зла, их онтологическая локализация. Этими критериями полагаются, на первый взгляд

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 2.1.3/4245, Аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы" 2009-2011 гг. Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию

бесспорные, гуманистические и христианские, взаимосочетающиеся признаки – "любви" и "духовности", при несомненном главенстве и водительстве последнего. Дадим слово самому автору: "Человек *духовен* тогда и постольку, поскольку он добровольно и самодеятельно обращен к **объективному совершенству**, нуждаясь в нем, отыскивая его и любя его, измеряя жизнь и оценивая жизненное содержание мерою их подлинной божественности (истинности, прекрасности, правоты, любовности, героизма). Однако настоящую силу и цельность одухотворение приобретает только тогда, когда оно несомо полнотою (плеромою) глубокой и искренней любви к совершенству и его живым проявлениям. Человек *любовен* тогда и постольку, поскольку он обращен к жизненному содержанию силою приемлющего единения, тою силою, которая устанавливает *живое тождество* между приемлющим и приемлемым, увеличивая до беспредельности объем и глубину первого и сообщая второму чувства прощенности, примиренности, достоинства, силы и свободы. Однако любовь приобретает настоящий предмет для своего единения и свою настоящую чистоту только тогда, когда она одухотворяется в своем направлении и избрании, т. е. обращается к **объективно-совершенному в вещах и в людях**, приемля именно его и вступая в живое тождество именно с ним. Без духовности – любовь слепа, пристрастна, своекорыстна, подвержена опошлению и уродству. Согласно этому, добро есть *одухотворенная* (или, иначе, религиозно-определенная, от слова "предмет") любовь, зло – *противодуховная вражда*. Добро есть любящая сила духа, злослепая сила ненависти (жирный шрифт – В.К., остальное – автор)". [1]

Думаю, многие, если не все мы, смело присоединились бы к данным утверждениям, как в свое время люди примыкали к казавшимся столь же правым и бесспорным учениям зороастризма или же манихейства. Простота, однако, увы, кажущаяся. На деле под очевидностью скрывается неопределенность, а под объективностью – субъективизм. Смысловое критериальное ядро здесь – в словосочетании "*объективное совершенство*" – онтологический источник духовности и сам Дух.

Вот если бы кто взял на себя труд и безумную гордыню определить что же это такое? За исключением Платона, пытавшегося рационально определить лишь некоторые из этих самых "идей" горного мира, лишь религии, ничтоже сумняшееся, торжественно объявили то или иное божество и все, что с ним связано (объявлено от его имени) – воплощением и критерием добра. Реально же те люди, которые объявиляют, вешают от имени божества или "*объективно-совершенного*" – и устанавливают, что есть добро и зло (комбинации их сочетания и полноты). Таким образом, сам формат определения мировых "сил" через антонимы (дух/противо-дух, зрение-слепота) задает старый

добрый дуализм, популярный в массах во все времена.

Причем "добро" и "зло" Ильиным действительно объективируются и субстанциализируются. Если "добро" – есть "объективное совершенство" в вещах и людях, то и "злое начало *едино и агрессивно* и в агрессивности своей лукаво и многообразно (курсив – Ильина)". [1]

2. Провиденциальное разбиение людского состава на соответствующие по этико-онтологическому тяготению категории: сильные и слабые, совестные и бессовестные. Основные их комбинации: 1.сильные и бессовестные или злодеи, долгое время правившие миром; 2. слабые и бессовестные, масса человекообразных животных; 3. слабые и совестные, сентиментальные романтики, хнычущие идеалисты и мягкотельные интеллигенты; 4. "соль земли" – сильные и совестные, "воины света", "меченосцы" и прочая, прочая, прочая. Ильин поет им оду в стиле Ницше: "совестные и сильные: ...люди, добровольно принимавшие на себя бремя активной борьбы со злодеями ...в истории человечества именно таковы были и будут носители духовно-правого меча". [1] Именно на них лежит "мировое бремя пресечения зла", которое полоняет все остальное человечество.

В отношении основной, наиболее массовой, категории людей – слабых и бессовестных, "столетиями и тысячелетиями совершаются ... обуздывающий и перевоспитывающий процесс, превращающий человекообразное животное – в существование общественное и дисциплинированное, и чем общественное и дисциплинированнее это животное, тем доступнее оно для духовной культуры и тем доступнее ему самому работа внутреннего самовоспитания". По отношению к третьей категории безвольных интеллектуалов и "непротивленцев", они – защитники и спасители.

Главная же их историософская функция – "гроза, посылающая страх и страдание", а вся прежняя "история человечества состоит в том, что в разные эпохи и в разных общинах лучшие люди гибли, насилием худшиими, причем это продолжалось до тех пор, пока лучшие не решались дать худшим планомерный и организованный отпор (курсив - Ильина)". [1]

Они же, меченосцы – одновременно и субъекты морального правосудия, т.к. обладают по Ильину безусловными визионерскими способностями. Какие там сомнения или экзистенциальные противоречия? Образцовый христианин, воин света "ставит свою совесть перед совершенство "Небесного Отца" и вопрошает ее о нравственно идеальном отношении человека к человеку. И совесть дает ему, бессловесно и немысленно, эмоционально-волевым толчком - тот единственный ответ, который она дает всегда и дает всем: о *самом лучшем*, об идеально-совершенном отношении, о единственном-праведном; и притом так, что этот

бессловесный, но активно-понуждающий ответ, как бы порыв к определенному действию, сообщается человеку без участия мысли или слова". [1] Ну кто, кроме визионера, человека, претендующего на прямую связь с Богом, способен на подобные заявления об обладании знания о "самом лучшем"? "И. Ильин слишком сознает себя «частицею божественного огня», – отмечает Бердяев, – ... любит абсолютное добро, носителем которого почтает себя", отсюда "непомерная духовная гордыня, ...исступленный отвлеченный морализм". [2]

Позднее эта гордыня и знание о "самом лучшем" приведет Ильина к панегирикам нацистам. "Новый дух" национал-социализма", – вещал он, вероятно также по божественному наитию, – "имеет...положительные определения: патриотизм, вера в самобытность германского народа и силу германского гения, чувство чести, готовность к жертвенному служению (фашистское «sacrificio»), дисциплина, социальная справедливость и внеклассовое, братски-всенародное единение. Этот дух составляет как бы субстанцию всего движения; у всякого искреннего национал-социалиста он горит в сердце, напрягает его мускулы, звучит в его словах и сверкает в глазах. Достаточно видеть эти верующие, именно верующие лица; достаточно увидеть эту дисциплину, чтобы понять значение происходящего и спросить себя: «да есть ли на свете народ, который не хотел бы создать у себя движение такого подъема и такого духа?..." [3]

Полемика по книге оставляет весьма странное впечатление – какой-то зачарованности, замороченности спорящих – все равно, ругающих или же хвалящих: "или-или" и весьма часто несправедливо. Верные положения погребены под буйством страстей. В споре явно преобладало возмущение, люди разного происхождения и направления консолидировались в своей, в общем-то, поверхностной критике. Многие приподняли лишь сугубо внешний покров ильинского произведения: его непропорционально большое, пристрастное внимание к толстовству; бросающееся в глаза сходство с иезуитизмом; явный обскурантизм и прославление "православного меча". Политики, будь-то левого, правого или еще каких толков ничего кроме хлестких словец и ярлыков не могли внятно сказать: обвинения в "оправдании большевистской тактики", в "освящении смертной казни", "военно-полевом богословии", "мистическом оправдании плетки" и т.п.

Многие просто не отдавали себе отчет в причинах столь глубокого чувства неприятия. Это показатель глубинной внутренней антиномичности и имманентной шаткости традиционно-гуманистических: как абстрактных, так и конкретных основ общечеловеческой морали. Однако большинство почувствовало верно: суть не в том, что кто-то будет против сопротивления злу силуо,

а в том, что эту функцию сопротивления отдавать "лучшим людям", "государству", "православию" или еще кому-то, кто якобы лучше всех знает "полноту идеала".

Главная конструктивно-содержательная роль в полемике принадлежала журналам «Путь» (Н. Бердяев) и «Современные записки» (З. Гиппиус, Ф. Степун и В. Зеньковский). Бердяев, как всегда, наиболее проницателен среди других рецензентов религиозно-философского лагеря, однако и ему эмоции затмили разум. Так он выявляет такие характеристики ильинской концепции как принудительность организации добра с помощью государства, смешение функций государства и церкви, нехристианскую нетерпимость и т.п., признаваемые даже рьяными поклонниками Ильина. [4]

Вместе с тем, он оставляет без внимания или, может, не чувствует себя готовым обсудить реальные проблемы, которым Ильин дает свое, весьма спорное, но решение. Так Бердяев признает "принципиальную допустимость действовать силой и мечом, при соблюдении целесообразности и духовной гигиены", согласен с тем, что "государство должно и может ограничивать проявление зла в мире" и "свобода зла должна быть внешне ограничена в своих проявлениях" – однако не может внятно сказать: в чем принцип допустимости "силы и меча" или же каков диапазон ограничения зла? А что он мог добавить к своим прежним умозаключениям об иррациональности, неисследимости, трагичности и имманентной антиномичности человеческой свободы и свободы вообще? Конечно, каждый раз решение о применении силы должно быть "конкретно-контекстуальным" – но ведь и так все дело отдается на откуп субъективности.

Вероятно, эта-то вот реальная сложность и неразрешимость вопросов, поставленных и однозначно решенных Ильиным, более всего и раздражала, вызвала такие резкие обороты: "Чека во имя Божие", "удушающее, инквизиторское демоническое добро", "фарисейская самоправедность", "безблагодатное законничество", "антихристианство" и т.п. Во-первых, разразить-то рационально невозможно, ибо проблема находится в поле предельных значений и исходных установлений, родственных кантовским "идеям чистого разума" и "антиномиям". Во-вторых, черно-белая дуалистическая, с виду абсолютная, но глубоко внутренне субъективистская, схема выглядит искушающе простой и верной – и ничего ей не противопоставишь внятно-понятного для массы обывателей, не будешь же их грузить диалектическими тонкостями о постоянной борьбе добра и зла в любом из нас, отсвете, пребывании даже самого последнего и закоренелого грешника – в самом Боге. В-третьих, некоторые идеи Ильина были действительно философски и социологически новаторскими: о внутреннем дисциплинировании как важнейшем элементе индивидуальной свобо-

ды и творчества или же о нормативном заставлении, вышколивании граждан – со стороны общественных институтов – в плане ввода поведения масс в формат культуры и социума. Такие идеи вряд ли могли импонировать персонологии Бердяева, но и возразить им было трудно.

Таким образом, Ильин смог вызвать повсеместный интерес к своей книге, своим идеям, нешуточный взрыв эмоций и острые споры. Однако это осталось эксклюзивом. Его философия не стала сколько-нибудь влиятельной во время его жизни, а число его учеников можно было пересчитать пальцами одной руки (Е. Баумгартен, Р. Зиле, А. Квартиров, К. Климов), позже появляется более известный у нас профессор Питтсбургского уни-

верситета Н. Полторацкий, разместивший в 1966 г. архив Ильина в Мичиганском университете. Тем знаменательнее возрастание его влияния на русскую мысль правого, националистического спектра во второй половине XX в. и к его концу, в 90 гг., когда в условиях чуть ли не государственного антикоммунизма и вновь вошедшего в официоз православия, Ильин стал почти "крестным отцом" новой "русской идеи". В 2005-2006 гг. это нашло свое выражение в символических актах перезахоронения останков Ильина и Деникина в России (и ведь не Бердяева!) на кладбище Свято-Донского монастыря, передаче его архива Научной библиотеке МГУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. URL: // <http://www.philosophy.ru/library/il/01/00.html>
2. *Бердяев Н.* Кошмар злого добра. О книге И. Ильина "О сопротивлении злу силою". "Путь", Июнь-июль 1926. - №4. URL: // http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1926_312.htm
3. *Ильин И.* Национал-социализм. Новый дух I. (Возрождение, Париж 1933, 17 мая). URL: // <http://iljinru.tsygankov.ru/works/vozr170533.html>
4. *Полторацкий Н.* Contra. URL: // http://evil.su/modules/sections/index_op_viewarticle_artid_160.html

Автор статьи:

Красиков
Владимир Иванович,
докт. филос.наук, проф. каф.
философии КемГУ
Email: krasikov@kemcity.ru